

СТАЛИНГРАД

К 70-летию переломного сражения
Второй Мировой

Иоахим ВИДЕР

**Я ВЫЖИЛ
В СТАЛИНГРАДЕ
КАТАСТРОФА на ВОЛГЕ**

«ЯУЗА-ПРЕСС»
МОСКВА
2013

УДК 355/359
ББК 68
В 42

Оформление серии *С. Курбатова*

В оформлении обложки использованы фотографии:
Георгий Зельма / Фото ИТАР-ТАСС;
Архивный фонд Фото ИТАР-ТАСС.

Видер И.

В 42 Я выжил в Сталинграде. Катастрофа на Волге /
Иоахим Видер. — М. : Яуза-пресс, 2013. — 320 с. —
(Сталинград. К 70-летию переломного сражения Вто-
рой Мировой).

ISBN 978-5-9955-0583-9

«Вся наша армия взята в стальные клещи. В окружение попало около 300 тысяч человек — более 20 первоклассных немецких дивизий. Мы и в мыслях не допускали возможности такой чудовищной катастрофы!» — читаем на первых страницах этой книги. Будучи офицером-разведчиком в 6-й армии Паулюса, автор разделил ее трагическую судьбу, пройдя все круги Сталинградского ада — от победного летнего наступления до зимнего разгрома и советского плена. Но эта книга — больше чем откровения выжившего, которому довелось *«заглянуть в бездну»*. Это не только леденящий кровь рассказ об ужасах Сталинградского «котла», об *«утраченных победах»* и *«роковых решениях»*, *«черных днях»* и *«мучительной агонии»*, *«смертном приговоре»* и *«бесславном конце»* 6-й армии, — это еще и глубокий анализ причин **КАТАСТРОФЫ НА ВОЛГЕ**. Прямо называя по именам главных виновников разгрома, автор не ограничивается дежурными проклятиями в адрес Гитлера, но и уличает в непростительных просчетах, умолчаниях и лжи фельдмаршала Манштейна. *«Для Германии битва под Сталинградом явилась самым тяжким поражением за всю ее историю, для России же — ее величайшей победой»*.

УДК 355/359
ББК 68

© Исаев А.В., предисловие, 2013
© Лебедев А., Португалов Н.,
пер. с нем., 2013
© ООО «Яуза-пресс», 2013

ISBN 978-5-9955-0583-9

Алексей Исаев

Предисловие

«Сталинград» — название города, которое мы не найдем на сегодняшних картах, навсегда останется в истории войн. Словно «Канны» или «Ватерлоо», помимо исторического значения, оно стало символом военной катастрофы в новейшей истории. Символом поражения немецкого оружия и безоговорочного триумфа военной мысли, стратегии и тактики советских войск. Пожалуй, ни одно сражение Второй мировой войны не породило в послевоенные годы в Германии такого количества исследований, как Сталинград. Дело даже не в самом факте окружения крупной группировки немецких войск — после Сталинграда были окружения под Черкассами (Корсунь-Шевченковская операция) зимой 1944 г., Витебском летом 1944 г., наконец, Фалезский «котел» на Западном фронте. Сталинград стал эпической катастрофой, знаменовавшей собой закат звезды Третьего рейха. События на Волге заставили многих потерять веру в себя и свое командование. После Сталинграда оставалось сражаться «без страха и надежды»...

Помимо личных взаимоотношений и даже человеческих трагедий, многих мемуаристов занимал вопрос оперативной картины сражения под Сталинградом. К их числу относится Иоахим Видер. По иронии судьбы смертельной для окруженной под Сталинградом 6-й армии Ф. Паулюса стала настойчиво продвигавшаяся немецкой военной мыслью идея «Канн»: нанесения поражения противнику глубокими фланговыми ударами по сходящимся направлениям. До осени 1942 г. «Канны» были своего рода визитной карточкой германской стратегии. Большинство крупных наступательных операций против СССР реализовывалось именно

по этой схеме. Окружения советских войск под Минском, Уманью, Киевом, Вязьмой в 1941 г., под Харьковом в 1942 г. — все это были воспетые Шлиффеном «Канны». Под Сталинградом эта технология обратилась против вермахта. Видер пишет: «При всех наших предчувствиях мы и в мыслях не допускали возможности такой чудовищной катастрофы!» Но катастрофа случилась, причем по классическому сценарию «Канн». Сценарий этот предусматривал наличие не только Ганнибала в лице А.М. Василевского с одной стороны, но и консула Варрона со стороны тех, кто попал в окружение. Видер откровенно пишет о всех тех роковых решениях, которые предопределили судьбу армии Паулюса: «И вот, 24 ноября словно гром среди ясного неба поразила нас радиограмма из ставки Гитлера — роковой приказ, запрещающий командованию 6-й армии осуществить намеченный отход с северного участка своего фронта и вывод наших соединений из Сталинграда. Все надежды на прорыв рухнули». Вся первая часть книги — это описание произошедшей катастрофы от ее первого дня до закономерного финала. Как непосредственный участник событий, Видер нашел те краски, те детали происходящего, которые ярче всего отражают трагедию солдат и офицеров вермахта, оказавшихся в кольце окружения. Одна из центральных тем повествования — это противоречие между профессионализмом, заставлявшим искать вполне очевидные решения, и долгом, вынуждавшим подчиняться приказам. Видер рассказывает о неудачах в снабжении окруженных по воздуху. По иронии судьбы, удачные операции по снабжению транспортной авиацией и бомбардировщиками Хе-111 окруженных под Холмом и Демянском сыграли злую шутку с немецким командованием, многие были уверены, что такой же воздушный мост будет эффективен и в случае с армией Паулюса. Однако расстояние между основной группировкой немецких войск и окруженными соединениями под Демянском и Холмом было сравнительно небольшим, местность — лесистой, и противодействие советских ВВС на второстепенном участке фронта — сравнительно слабым. Напротив, под Сталинградом транспортникам требовалось пройти

большое расстояние над занятой советскими войсками территорией под ударами лучших авиасоединений ВВС РККА. В результате снабжение по воздуху было скудным, силы окруженных таяли, и на страницах книги Видера мы найдем эпизоды отчаяния и морального разложения тех, кто еще недавно составлял элиту вооруженных сил Германии.

Помимо очевидно «проварроненных» моментов в Сталинградской битве просматривается несомненный успех советского оперативного искусства. Была спланирована простая, но очень удачная по форме операция. Два удара наносились по сходящимся направлениям для замыкания кольца, два — на образование внешнего фронта окружения и два — на образование внутреннего фронта окружения. Собственно удар на образование внешнего фронта окружения впервые был нанесен достаточно удачно и глубоко, чтобы воспрепятствовать деблокированию окруженных ударом извне.

Силы, задействованные в попытке Манштейна пробиться к 6-й армии, не следует ни преуменьшать, ни преувеличивать. Наиболее сильным игроком была прибывающая по железной дороге из Франции свежая 6-я танковая дивизия. Танковая дивизия прибывала, начиная с 27 ноября, в Котельниково после отдыха и укомплектования во Франции (дивизия понесла большие потери зимой 1941/42 г.). После доукомплектования и перевооружения 6-я танковая дивизия представляла собой серьезную силу. В ноябре 1942 г. в составе дивизии числилось 159 танков (21 танк Pz.II, 73 танка Pz.III с длинноствольной 50-мм пушкой, 32 танка Pz.III с короткоствольной 75-мм пушкой, 24 танка Pz.IV с длинноствольной 75-мм пушкой и 9 командирских танков). Подавляющее большинство танков дивизии было новейших образцов, способных противостоять Т-34. Первый удар этой дивизии принял на себя создававший внешний фронт окружения у Котельниково 4-й кавалерийский корпус и 85-я танковая бригада. Они сумели отодвинуть рубеж развертывания немецких танков и заставили их потратить первые несколько дней на отражение ударов по Котельниково. Помимо этого в попытке деблокирования принимали участие уже

побывавшие в боях соединения вермахта. 23-я танковая дивизия на момент начала советского наступления (18 ноября) насчитывала 5 танков Pz.II, 12 танков Pz.III с короткоствольным 50-мм орудием, 15 танков Pz.III с длинноствольным 50-мм орудием, 4 танка Pz.IV с 24-калиберной 75-мм пушкой и 4 танка Pz.IV с 43-калиберной 75-мм пушкой. Дивизия участвовала в напряженных боях на Северном Кавказе и понесла большие потери под Орджоникидзе и Моздоком. 17-я танковая дивизия выглядела ненамного лучше: 9 танков Pz.II, 30 танков Pz.III с короткой 50-мм пушкой и 18 танков Pz.IV с 24-калиберной 75-мм пушкой. Но даже эти скромные силы прибыли слишком поздно, и основная тяжесть боев легла на 6 и 23-ю танковые дивизии. Часто упоминаемый в связи с попытками деблокировать Сталинград 503-й танковый батальон «тигров» пошел в бой только в январе 1943 г. под Ростовом, довольно далеко от Сталинграда. Под «тиграми» под Сталинградом следует понимать танки Pz.IV с длинноствольными орудиями из 6-й танковой дивизии. Одной из ошибок немецкого командования было неумение накапливать стратегические резервы. Советская сторона довольно быстро поставила между окруженными войсками 6-й армии Паулюса и пробивающимися к ней дивизиями Г. Гота заслон из 2-й гвардейской армии, в напряженной борьбе отразившей все удары извне кольца.

Если первая часть книги Видера представляет собой насыщенный эмоциями рассказ очевидца, то во второй части «Спустя двадцать лет» перед нами предстает не солдат, но историк. Эта часть книги отечественному читателю будет особенно интересна, поскольку у нас «Утерянные победы» Э. фон Манштейна стали едва ли не эталоном мемуарно-исторической литературы. Книга немецкого военачальника выдержала несколько переизданий и оказала существенное влияние на умы профессионалов и любителей. Видер на страницах своей книги подробно разбирает главу «Утерянных побед», посвященную Сталинграду. Он уличает Эриха фон Манштейна в лукавстве, указывая на то, что сам командующий группой армий «Дон» полностью распоряжался 6-й армией и мог отдавать ей какие угодно распоряжения. Ви-

дер пишет: «Нет, 6-я армия, без сомнения, была подчинена группе армий "Дон". Это вытекает из приказов, отданных самим Манштейном, и подтверждается особенно убедительно документами из архива фельдмаршала Паулюса, а также записями в сохранившемся оперативном журнале штаба 6-й армии и целым рядом других источников». Соответственно, попытки Манштейна сбросить с себя ответственность за пребывание 6-й армии в Сталинграде и отсутствие попыток пробить кольцо окружения изнутри синхронно с наступлением Г. Гота. Видер опирается на анализ документов того периода и вполне однозначно указывает на промахи Манштейна: «К тому же ни его приказ от 19 декабря, ни поступившая позднее радиограмма не позволяли прийти к выводу, что Манштейн в завуалированной форме советует 6-й армии немедленно оставить Сталинград».

Еще один раздел книги Видера посвящен анализу личности самого Ф. Паулюса. Здесь следует обратить внимание на прослеживающуюся во многих отечественных исследованиях идеализацию военного образования и опыта штабной работы в карьере полководца. Наши военачальники часто получают упреки в невыдержанности, невоспитанности и взрывном характере. Однако при этом забывается, что военачальник — это не кабинетный ученый и от него требуются качества, следствием которых может быть неприятный в человеческом общении характер. Получивший блестящее образование Паулюс, как ни странно, проигрывал менее образованным, но более энергичным и волевым коллегам: «Многолетняя служба в высших штабах наложила неизгладимый отпечаток на личность Паулюса и его деловые качества. Этому вдумчивому, осмотрительному генштабисту, обладавшему превосходной подготовкой, глубокими знаниями и незаурядными способностями в планировании крупных операций, недоставало боевого опыта, твердости, решимости, находчивости, умения и желания рисковать — одним словом, всего того, чем в избытке обладает настоящий полководец». Читая рассказы о разносах, устраиваемых Г.К. Жуковым или А.И. Еременко, нужно помнить, что перед нами не преподаватели воскресной школы, но солда-

ты и оборотной стороной внешне благопристойного поведения может быть вялость и слабоволие. Видер дает нам возможность оценить личные и профессиональные качества Ф. Паулюса, прошедшего путь от создателя плана «Барбаросса» до первого фельдмаршала, взятого в плен союзниками во Второй мировой войне.

Одним словом, Иоахим Видер написал разноплановую, одинаково занимательную и как воспоминания, и как историческое исследование книгу, которая привлечет внимание всех интересующихся историей Второй мировой войны.

ВОСПОМИНАНИЯ УЦЕЛЕВШЕГО

Хаос огня, свинца и исковерканной брони... чудовища стальные, выйдя из-под власти своих творцов, их обрекли на смерть...

Тот, на чьих глазах разорванные в клочья погибали друзья и братья, тот, кто искал спасенья, извиваясь, как червь, на обесчещенной, истерзанной земле, — лишь горько усмехнется, заслышав речи лживые, «героям» воздающие хвалу... нет больше Марса, дряхлый бог сражений сам сгинул в пламени войны...¹

Стефан Георге

Немецкая группировка окружена

19 ноября 1942 года навсегда сохранится в моей памяти как самый черный день из всех, что мне довелось пережить.

В то пасмурное утро глубокой осени промозглый туман вскоре сменился метелью — наступила суровая русская зима. Но еще раньше, в предрассветных сумерках, здесь, на самом опасном участке Восточного фронта, где мы, немцы, глубже всего проникли на территорию противника, разразилась катастрофа, которую предчувствовали и ждали с нарастающей тревогой многие из нас. Русские перешли в наступление и сразу же нанесли сокрушительный удар сначала по румынским соединениям, находившимся на левом фланге нашей группировки. Это произошло в большой излучине Дона, южнее станицы Кременской².

---

¹ Перевод Н.С. Португалова.

² Видер допускает неточность. Удар южнее Кременской был осуществлен войсками Донского фронта 19 ноября одновременно с ударом Юго-Западного фронта, наступавшего с плацдармов юго-западнее г. Серафимовичи и станицы Клетская. К окружению группировки гитлеровцев привел, однако, не удар Донского, а удар Юго-Западного фронта, войска которого 23 ноября в районе г. Калач соединились с войсками Сталинградского фронта, начавшими контрнаступление на один день позже (20 ноября) с плацдарма в районе Сарпинских озер. — *Прим. ред. (Здесь и далее примечания, отмеченные звездочкой, даны русской редакцией. Примечания, касающиеся военных действий в Сталинграде, сделаны подполковником В.К. Печоркиным.)*

Наступлению предшествовала тщательная подготовка, проведенная Советским командованием в грандиозных масштабах; наши вышестоящие штабы в общем были осведомлены о длительном процессе сосредоточения сил противника, хотя развертывание проходило в лесистой местности и под прикрытием осенних туманов. Развивая наступление, превосходящие танковые и кавалерийские соединения русских в тот же день молниеносно обошли нас с севера, а на следующий день и с востока. Вся наша армия была взята в стальные клещи. Уже три дня спустя в Калаче на берегу Дона кольцо окружения сомкнулось. Соединения русских непрерывно усиливались.

Ошеломленные, растерянные, мы не сводили глаз с наших штабных карт — нанесенные на них жирные красные линии и стрелы обозначали направления многочисленных ударов противника, его обходные маневры, участки прорывов. При всех наших предчувствиях мы и в мыслях не допускали возможности такой чудовищной катастрофы! Штабные схемы очень скоро обрели плоть и кровь в рассказах и донесениях непосредственных участников событий; с севера и с запада в Песковатку — еще недавно тихую степную балку, где размещался наш штаб, вливался захлестнувший нас поток беспорядочно отступающих с севера и запада частей. Беглецы принесли нам недобрые вести: внезапное появление советских танков 21 ноября в сонном Калаче — нашем армейском тылу — вызвало там такую неудержимую панику, что даже важный в стратегическом отношении мост через Дон перешел в руки противника в целостности¹. Вскоре из расположения XI армейского корпуса, нашего соседа слева, чьи дивизии оказались под угрозой удара с тыла, к нам в Песковатку хлынули новые толпы оборванных, грязных, вконец измотанных бессонными ночами людей.

---

¹ Мост был захвачен небольшим отрядом под командованием подполковника Г.Н. Филиппова. Танки Филиппова с включенными фарами подошли к переправе. Гитлеровцы, охранявшие мост, приняли их за своих. Советские танкисты, переправившись через реку, уничтожили охрану и захватили мост. (См. «Битва за Волгу». Волгоград, 1958, с. 133–134 и «История ВОВ», Воениздат. М., 1961, т. III, с. 33–34.)

Прелюдией ураганного русского наступления на участке Клетская — Серафимовичи была многочасовая артиллерийская подготовка — уничтожающий огонь из сотен орудий перепыхал окопы румын. Перейдя затем в атаку, русские опрокинули и разгромили румынские части, позиции которых примыкали к нашему левому флангу. Вся румынская армия попала в кровавую мясорубку и фактически перестала существовать. Русское командование весьма искусно избрало направление своих ударов, которые оно нанесло не только со своего донского плацдарма, но и из района южнее Сталинграда, от излучины Волги. Эти удары обрушились на самые уязвимые участки нашей обороны — северо-западный и юго-восточный, на стыки наших частей с румынскими соединениями; боеспособность последних была ограничена, поскольку они не располагали достаточным боевым опытом. Им не хватало тяжелой артиллерии и броневой техники. Сколько-нибудь значительных резервов у нас по существу не было ни на одном участке; к тому же плохие метеорологические условия обрекли на бездействие нашу авиацию. Поэтому мощные танковые клинья русских продвигались вперед неудержимо, а многочисленные кавалерийские подразделения, подвижные и неуловимые, роем кружились над кровоточащей раной прорыва и, проникая в наши тылы, усиливали неразбериху и панику¹.

Впрочем, обстановка вскоре окончательно прояснилась: наша 6-я армия и части 4-й танковой армии — более 20 первоклассных немецких дивизий, составлявших четыре армейских и один танковый корпус, — были полностью окружены. Вместе с ними в гигантский «котел» попали дивизия ПВО и несколько крупных авиационных соединений; приданные артиллерийские подразделения резерва главного командования: два дивизиона самоходок и два минометных полка, с десятков отдельных саперных батальонов, а также многочисленные строительные батальоны, санитарные подразделения, автоколонны, отряды организации Тодта («Имперская трудовая повинность»), части полевой жандарме-

---

¹ В действительности метеорологические условия не исключали действия авиации, а лишь ограничивали их.

рии и тайной военной полиции. Здесь же оказались и остатки разгромленной румынской кавалерийской дивизии, хорватский пехотный полк, приданный одной из наших егерских дивизий, и, наконец, несколько тысяч русских военнопленных и «вспомогательные части». Всего, таким образом, в окружение попало около 300 тысяч человек¹, чьей судьба связала друг с другом в буквальном смысле слова не на жизнь, а на смерть.

Лишь много позднее мы поняли, что окружение 6-й армии было только частью гигантской операции по охвату наших войск, спланированной и проведенной русскими по известным немецким образцам². С севера нас охватывали лучшие ударные части русских, в том числе и переброшенные сюда отборные дивизии их Юго-Западного фронта, которому до начала наступления противостояли соединения, примыкавшие к нашей 6-й армии слева. И этот внезапный и сокрушительный удар был нанесен противником, который, как упорно твердила наша официальная пропаганда, давно уже исчерпал все свои резервы и возможности. Но особую тревогу у нас вызывал тот факт, что советская стратегия и тактика, которые обрели теперь такую гибкость, прочно захватили инициативу.

Вообще говоря, сила русского натиска и участие в наступлении большого количества свежих соединений и ударных частей не явились для нас полной неожиданностью. Уже в

---

¹ В окружении оказались 22 дивизии 6-й и 4-й танковых немецких армий. В составе окруженной группировки было 15 пехотных дивизий (44, 71, 76, 79, 94, 113, 295, 297, 305, 371, 376, 384, 389-я пехотные, 100-я легкопехотная дивизия гитлеровцев и 20-я пехотная румынская дивизия), 3 танковые дивизии (14, 16 и 24-я), 3 моторизованные (3, 29 и 60-я), 1 кавалерийская (1-я румынская), а также 160 отдельных частей всех родов войск. Общая численность всех этих войск достигала 330 тысяч человек. Помимо окружения этих сил, советские войска в ходе контрнаступления разгромили 3-ю румынскую армию, пять дивизий которой были взяты в плен к моменту окружения, и нанесли поражение VI и VII армейским корпусам румын. Был разгромлен XLVIII танковый корпус, составлявший оперативный резерв противника.

² В истории мирового военного искусства немало примеров операций на окружение, начиная от знаменитых Канн. Однако контрнаступление на Волге было спланировано весьма оригинально Советским командованием, что неоднократно подтверждает и сам Видер.

течение нескольких недель мы с возрастающим беспокойством наблюдали, как в лесистой местности на противоположном берегу Волги и особенно в северной излучине Дона скапливались части противника — верный признак близкой грозы. Будучи в то время офицером для поручений в разведотделе штаба VIII армейского корпуса, я по долгу службы постоянно анализировал многочисленную информацию о противнике, обрабатывал сведения о численности его частей и соединений, об их структуре и боевых порядках, вооружении и моральном состоянии, а также вел оперативные карты. В ходе работы я убедился, что начиная с весны 1942 года обстановка на фронте изменялась под влиянием совершенно новых факторов, которые вначале вызвали у меня живой интерес, а затем гнетущую тревогу.

В мае 1942 года русские начали использовать крупные танковые соединения для достижения оперативных целей. Однако эта попытка провести по немецкому образцу крупную операцию на окружение окончилась для них неудачей. Красному командованию пришлось еще раз дорого заплатить нам за науку: наступавшая 6-я русская армия, которой уже почти удалось прорвать наш фронт юго-восточнее Харькова, была взята в клещи, окружена и полностью уничтожена. В плен попало по меньшей мере 200 тысяч солдат и офицеров противника, мы захватили более 3000 танков и орудий. Командующий ударной армией русских в безысходном отчаянии покончил с собой. Через штаб нашего корпуса прошли по этапу несколько советских генералов, взятых в плен в этом сражении¹. Я помню, какое сильное впечатление произвели на нас тогда некоторые сведения, полученные от них на допросах, и в первую очередь данные о непрерывно растущем производстве танков на эвакуированных

---

¹ 23 мая 6-я немецкая армия, наступавшая с севера, и соединения группы армий «Клейст», наступавшей с юга, соединились в районе Балаклеи. Войска советских 6, 57-й армий и группы генерала Л.В. Бобкина были окружены. До 29 мая они вели тяжелую борьбу с превосходящими силами противника. Лишь отдельным отрядам удалось вырваться из окружения. В этих неравных боях погибли смертью храбрых многие верные сыны нашей Родины Среди них Ф.Я. Костенко — заместитель командующего Юго-Западным фронтом, командармы А.М. Городнянский, Л.В. Бобкин, К.П. Подлас.